

Глава 10

Единственное пятно в его жизни

Понаблюдав какое-то время, Ши Минъю понял: разгонять собственную популярность через общественное мнение — задача не из лёгких.

Похоже, оставалось одно — обрушить карьеру изнутри.

Разрушение имиджа требует постепенности: волна за волной, пока не рухнешь на самое дно. Ши Минъю решил созвониться с одним небезызвестным в киноиндустрии режиссёром, с которым его связывали, мягко говоря, сомнительные делишки.

С этим человеком он действительно сотрудничал не раз, но назвать их отношения близкими язык не поворачивался.

Чу Цзин — человек, у которого гордость въелась в кости, а язвительность давно стала второй натурой. Таким он был и в годы безвестности, и теперь, купаясь в славе и деньгах.

Ши Минъю не питал иллюзий на счёт того, что нравится Чу Цзину.

Скорее уж он был для того идеальным инструментом для сбора наград: цена как на исполнителя главной роли вполне приемлемая, игра стабильная, инвесторы всегда довольны.

Их сотрудничество, как правило, строилось либо на деньгах, либо на наградах, либо на том и другом сразу.

И надо признать — работали они слаженно, ни разу не подвели друг друга.

А рассказы жёлтой прессы про "идеальный тандем" и в работе, и в жизни — чистой воды чепуха. Помимо съёмочного периода, когда они действительно много общались, в обычной жизни контакты сводились почти к нулю.

Из разряда "месяцами не позвонить, не написать".

Поддерживать отношения? Даже не пытались.

Ши Минъю привык к этому прекрасно: они с Чу Цзином, по сути, были из тех людей, что прекрасно знают истинную натуру друг друга, но при этом умеют извлекать выгоду из сотрудничества.

Сошлись из-за интереса — и разойдутся из-за него же.

А что до давней формулировки бульварных СМИ — "он единственное пятно в его жизни" — тут Ши Минъю оставалось лишь... выдать улыбку не получалось совсем.

Рыбак рыбака видит издалека.

Если Чу Цзин — пятно, то и он сам, тесно связанный с ним и не раз сотрудничавший, разумеется... тоже не без греха.

Куда ему быть невинным белым лотосом.

Из-за сюжета и заданного образа Ши Минъю вовсе не был так возвышен, как воображала публика: равнодушие к кассовым сборам, горячая преданность профессии, любовь к актёрскому мастерству, мягкость и учтивость — всё это, разумеется, лишь маска.

Напротив, помимо того, что общественным мнением о нём занималась компания, Ши Минъю и сам ежедневно за этим приглядывал.

Просто приходилось признать: то ли он играл слишком хорошо, то ли зрители, пресса и фанаты в этом мире смотрели на него сквозь чересчур розовые очки, додумывая лишнее.

Взять хотя бы историю с Чу Цзином.

Причина, по которой они редко общались в обычной жизни, крылась в том, что Ши Минъю прекрасно знал: он тому не нравится.

Как бы это объяснить... Их первый совместный фильм появился благодаря тому, что Ши Минъю выкупил у Чу Цзина сценарий за огромные деньги, вложил в проект всё своё состояние и поставил на него всё, всеми силами продвигая его на пост режиссёра.

Можно сказать, путь Чу Цзина в индустрию, его восхождение на вершину — целиком заслуга Ши Минъю.

Вот только сам Ши Минъю никогда не считал, что талант Чу Цзина так и останется погребённым под спудом. Его дар был подобен сияющей жемчужине — даже покрытая пылью, она всё равно светится.

Тогда, на съёмочной площадке, он и вправду оказывал Чу Цзину максимум уважения, максимум свободы, позволял тому делать всё, что вздумается.

Но за кадром, наедине, к этому молодому режиссёру он относился без всякой пощады: выжимал все соки, устраивал форменную психологическую травлю, ругал бесчисленное количество раз.

Ругал за то, что тот транжирит деньги, не умеет разговаривать, не умеет угодить инвесторам.

Называл бесполезным.

Бросал перлы вроде: "Не умеешь снимать — так и не снимай. Иди домой. Этой съёмочной группе такой не нужен".

Разумеется, всё это происходило во время съёмок первого фильма, когда сам Ши Минъю находился под чудовищным давлением, мастерство его ещё не было отточено, да и характер у Чу Цзина в те годы был не подарок.

Но, вспоминая об этом теперь, Ши Минъю думал: и как только такой заносчивый, гордый, не терпящий чужого диктата человек согласился ради выгоды снова с ним работать — это ж действительно нужно было очень постараться.

Держа телефон в руке, он ещё не успел набрать номер, а уже вздохнул.

"Кажется, он не возьмёт трубку. Столько времени не общались".

Чу Цзин был не таким, как он, — с широким и довольно пёстрым кругом знакомств. Наверное, тоже давно про него забыл.

Система: "... Братишка, не выдумывай, точно возьмёт.

"С сценарием, надеюсь, всё в порядке, сюжет пока ни разу не подводил", — тихо пробормотал Ши Минъю, набирая номер.

Разумеется, никакого "сценария" на самом деле не существовало — это была ложь для менеджера.

Тот самый "сценарий" родился полгода назад из пьяного бормотания, услышанного Ши Минъю глубокой ночью. Существует он вообще или нет — большой вопрос.

Система: "... Говоря об этом, ей становилось по-настоящему страшно.

Она сама не могла поверить, что сюжет до сих пор ни разу не сбился. Это было просто... пиковый момент за всю её системную жизнь.

Впрочем, Ши Минъю немного удивился, когда звонок соединился неожиданно быстро. По его представлениям, в такой поздний час Чу Цзин должен был всю наслаждаться ночной жизнью. Хороший знак — похоже, тот его ещё не забыл.

Но стоило услышать доносящийся оттуда шум, гвалт, обрывки скачущей музыки, крики восторга и даже лёгкие стоны...

Ши Минъю: "... Да, к этому он действительно с трудом мог привыкнуть.

"Как продвигается тот сценарий, о котором ты рассказывал мне в прошлом году?"

Голос Ши Минъю прозвучал мягко, но по сути — предельно прямо: с этим человеком не нужно было особо притворяться, слишком хорошо оба знали истинные лица друг друга под масками.

Порядочность и талант — вещи разные, и обладать и тем, и другим одновременно дано немногим.

К несчастью, эти двое как раз и были таким исключением: один — лже-"благородный муж", второй — настоящий "негодяй".

Там, на другом конце линии, Чу Цзин принял вызов, окинул взглядом царивший вокруг разгул, отошёл на пару шагов, отдаляясь от туманящей сознание музыки, хотя часть картины всё ещё маячила неподалёку.

Одетый безупречно, при галстуке, с холодным, аскетичным выражением лица, он меньше всего походил на любителя вечеринок.

— Ты про тот, без названия?

— Да.

Отозвался Ши Минъю.

На самом деле тогда он просто слушал, как этот человек изливает душу, пьяно бесится, — а у пьяного разум редко бывает ясным, и Чу Цзин не исключение. Удивительно, что тот вообще запомнил.

— Почти готов.

Разумеется, сценарий был написан давным-давно, просто Ши Минъю никогда не думал, что этот человек согласится сниматься, потому и решил прикрыться пьяной болтовнёй, чтобы

прощупать почву.

Чу Цзин лёгким движением пальцев провёл по перилам, глядя в ночи вниз, на мужчин и женщин, утонувших в собственных желаниях. Он подумал: закрытые вечеринки — и вправду неплохая вещь.

Здесь люди всегда умудряются сорвать маски, дать себе волю, показать истинное лицо.

— Инвестора нашёл?

Ши Минью сделал несколько шагов, вышел на балкон и произнёс это, глядя на луну.

Баловень судьбы в последнее время был занят до предела — настолько, что почти не бывал дома, проводя всё время между офисом и командировками.

— Ты хочешь вложиться?

Чу Цзин слегка удивился. В его-то годы, с растущей осторожностью, они вдвоём давно уже почти не вкладывались в проекты вместе, но взгляд его по-прежнему был прикован к тем, кто внизу качался и веселился.

От природы у него было холодное лицо, а стоило разозлиться — становился похож на ледяную гору, от одного взгляда которой становилось не по себе; на площадке он вполне заслуженно слыл тираном. Но перед инвесторами умел быть на редкость обходительным, находить нужные слова, вот только эту сторону мало кто видел.

— А что, нельзя? Не признаёшь старого друга? Если честно, я бы и сам не прочь сыграть главную роль.

Как же, конечно.

Прямому мужику сыграть в гей-фильме — само собой, ради сюжета.

Выражение лица Ши Минью оставалось невозмутимым, тон же — лёгким, почти шутливым, тем самым мягким и приятным голосом, который знали все вокруг.

Чу Цзин промолчал. Рядом с ним невесть откуда оказался симпатичный юноша, ластясь и мягко протянул: "Режиссёр Чу". Парень был не то чтобы совсем юн, высок, длинноног, с отличной фигурой; верхняя часть тела обнажена, а на теле поблёскивало несколько пирсингов на сосках.

— Не буду.

Бросил Чу Цзин, скользнув взглядом по этим украшениям — крест с деревянными колодками и парой готовых взлететь бабочек. Каково это будет — на нём? Чу Цзин на миг провалился в какую-то неуправляемую фантазию.

И тут же опомнился, быстро спросив:

— Ты хочешь сыграть главную роль?

Это его по-настоящему удивило.

— Как-нибудь на днях встретимся, поговорим лично.

Подумав немного, тихо сказал Ши Минью.

Голос у него действительно был хорош — среди этого гама и хаоса он звучал, словно родник в тихих горах, а в нём словно проскальзывали нотки нежности, будоражащей, тягучей.

— Место назначишь сам?

Чу Цзин не удивился, с каменным лицом отодвинул прильнувшего к нему юношу, точно отшвыривая ненужный мусор, и, не оглядываясь, шагнул вглубь помещения.

Юноша, оттолкнутый, слегка растерялся.

Но Чу Цзин даже не взглянул на него больше. Он услышал, как собеседник на другом конце вздохнул — или, может, просто немного помолчал, — а затем мягко произнёс:

— Конечно. Скажешь, когда будет время, я всё организую, тогда и свяжемся.

Это чёртово приличие — так и тянет разбить его вдребезги. Так подумал про себя Чу Цзин.

— Чу Цзин, ты... не слишком-то увлекайся.

Напоследок Ши Минью всё же со странной интонацией вздохнул. Он был лишь второстепенным персонажем в начале и середине сюжета, обречённым сойти со сцены довольно скоро, а вот Чу Цзин избежал этой участи — но Ши Минью переживал: пройдёт сюжетная линия, и Чу Цзин рано или поздно сам себя dokonает.

— Так заботишься обо мне?

Чу Цзин рассмеялся — редкость для него. Юноша рядом застыл, разглядывая его с недоумением. Он торчал здесь уже давно, буквально караулил этого человека, но впервые видел его таким довольным.

Ши Минъю знал, что уговаривать бесполезно, поэтому просто спросил:

— Тебе хорошо живётся?

Сам он не одобрял подобной разнузданности, но у каждого свой образ жизни.

Осуждать слишком сильно Ши Минъю тоже не хотелось.

В конце концов, он был из тех "добряков", кому дела нет ни до кого, пока это не касается его самого.

— Разумеется.

Чу Цзин ответил мгновенно, без колебаний. На самом деле его лицо оставалось холодным, как лёд, ни капли радости на нём не отражалось. Только услышав этот звонок, он и вправду был доволен — какое-то время.

Ши Минъю промолчал, затем добавил:

— Ну и хорошо. Просто... надеюсь, ты не растратишь свой дар и талант впустую.

И ещё — не изведёшь себя раньше времени.

Звонок оборвался. Чу Цзин холодно взглянул на юношу — ни слова, всем видом давая понять: чужакам сюда вход воспрещён.

Юноша, обнажённый по пояс, с миловидным лицом, немного сник, в глазах мелькнул испуг. Он давно слышал о репутации этого известного режиссёра — тот не делал разницы между мужчинами и женщинами, даже скорее предпочитал мужчин, — и пришёл сюда не без поощрения своего менеджера: чем не шанс попробовать?

Он убеждал себя: в конце концов... Чу Цзин весьма разборчив, положение обязывает, многие завидуют и мечтают подобраться к нему поближе. Не говоря уж о том, что он щедр и не скупится на ресурсы для тех, кто ему приглянулся.

— Как тебя зовут?

Чу Цзин, держа телефон, большим пальцем скользнул по закреплённому наверху списка контактов диалогу.

Это была фотография, которую он не менял уже много лет.

Профиль юноши, наполовину скрытый солнечным светом, — очень красивый, очень послушный на вид.

Чу Цзин вспомнил недавние слухи и заголовок "просто друзья", усмехнулся про себя: лучше бы... навсегда остаться просто друзьями.

Юноша не сразу нашёлся с ответом, а затем радостно выпалил:

— Режиссёр Чу, меня зовут Мэн Сяофэй.

Чу Цзин окинул его равнодушным взглядом и быстро направился к лифту, ведущему вниз. Металлические двери отразили его лицо — чуть постаревшее: всё-таки за тридцать перевалило, не мальчик уже.

Время и правда летит до нелепости быстро.

Чу Цзин, что случалось редко, закурил.

Он помнил: несколько лет назад как-то сказал, что сигареты и алкоголь — неотъемлемый атрибут мужчины средних лет, и тогда искренне надеялся, что сам таким не станет.

На той съёмочной площадке он курил во второй раз в жизни — всё ещё неумело, дубль пришлось повторить несколько раз.

Чу Цзин до сих пор помнил ту сцену: по сюжету персонажу требовалось выпить, на лице проступил лёгкий хмель, и, поднимаясь с кровати в пустой комнате, обнажённый со спины, тот держал во рту сигарету, небрежно облокотившись у подоконника.

Есть люди, которых судьба одаряет особой милостью.

Чу Цзин тогда, не отрываясь от монитора, снова и снова кричал "стоп", пока наконец не отослал прочь дрожащего от волнения оператора и не снял этот кадр собственными руками.

Юноша позади него послушно следовал за каждым его шагом.

Чу Цзин не обращал на него внимания — он пришёл сюда от скуки, в поисках развлечения, а найдёт он его или нет, было уже не так важно. Ему просто нравилось иногда убивать так время, снимая напряжение.

Ши Минью повесил трубку и долго молчал.

По сравнению с его собственной компанией, мир Чу Цзина напоминал соблазнительный вихрь, притягивающий бесчисленных желающих срезать путь к успеху. На арене славы и денег каждый берёт своё — так все говорили.

— Тонцзы, слышала такую фразу: если не взорвёшься в молчании — сгниёшь в молчании.

— К счастью, ко мне ни то, ни другое не имеет никакого отношения.

Ши Минью хмыкнул.

Система: "...". На самом деле иногда она всерьёз побаивалась, что носитель превратится в психопата, но тот, как ни удивительно, держался стабильно, полон энтузиазма и рвения — и вообще стал настоящим трудоголиком.

— Кое-что я задолжал Цзяцзя, и прекрасно это понимаю. Я использовал его.

Ши Минью вздохнул.

В прежние годы он и вправду опирался на влияние семьи Се, прикрываясь их могуществом, и даже успел устранить с их помощью пару-тройку конкурентов.

Система: "...". У-у-у, ей ужасно хотелось сказать, что баловень судьбы был бы только рад, если бы его использовали.

Ши Минью никогда не был наивным несмышлёнышем.

В человеческих отношениях, в законах выживания он разбирался прекрасно и умел извлекать из них выгоду в нужный момент.

"Чу Цзин, он... эх, я всё равно не понимаю... разве не его когда-то бросила девушка, и как же он тогда стал... таким..."

Садист.

Ши Минью даже не хотелось произносить это слово вслух — оно казалось до нелепости

неуместным.

Когда первый его менеджер впервые просветил его на этот счёт, реакцией стало полное отсутствие слов. В его присутствии Чу Цзин вёл себя вполне нормально, разве что умел держать дистанцию, расставаться друзьями — и пока не устраивал никаких скандалов.

Система: "..."

На самом деле она знала кое-какие закулисные подробности. Чу Цзин вовсе не был садистом в привычном смысле — напротив, в глубине души он куда больше жаждал быть тем, кого подчиняют. Но сказать об этом вслух она никак не решалась.

Она правда боялась напугать носителя.

Впрочем, у Ши Минью не было времени долго размышлять об этом — поступил срочный звонок.

От личного секретаря Се Цзяюя.

Повесив трубку, Ши Минью с усмешкой произнёс:

— Ну что ж, пора приступать к работе.

Сюжет наконец сдвинулся с места — "милая" история любви, начавшаяся с автокатастрофы. Как истинному натуралу, ему совсем не хотелось наблюдать за этим со стороны, но что поделать — работа есть работа.

<http://bllate.org/book/20141/1992037>